

Алекс Давыдов

Наследник

«Автор»

2026

Давыдов А.

Наследник / А. Давыдов — «Автор», 2026

Весной 2025-го курьер Роман Гуцин живёт рейтингом 4,87, долгом в 430 тысяч и младшим братом на контракте. Ночью ему пишут из женевской конторы 1712 года: он последний потомок откупщика Опалева и бенефициар безотзывного траста на 1,03 триллиона долларов. «Это не деньги. Это оценка». Триллион нельзя снять, отдать или потратить. Он лежит на мире, как кошка на спящем: повернётся — в соседней стране дорожает хлеб. За наследником выстраивается очередь: генерал, банкир, гонконгский фонд, слишком услужливый консьерж. Семейная нейросеть ОПАЛ всегда права и потому невыносима. В кармане у Романа — калькулятор на восемь разрядов. В него помещается всё человеческое. Триллион — нет. Он пробует добро и роняет валюту. Спасает брата — и узнаёт, кто занял его место. Помогает другу — и лишает его защиты бедности. В конце делает то, чего не делал никто: отказывается существовать. Так открывается закон мира, где всех оценивают. Выйти из оценки нельзя. Можно только сменить того, кто оценивает.

© Давыдов А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
АКТ I. ЧЕЛОВЕК С ХОРОШИМ ГЛАЗОМ	6
1. Смена	6
2. Заказное с уведомлением	8
3. Гранатный переулок	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Алекс Давыдов

Наследник

Глава

НАСЛЕДНИК

роман

Часть первая. 2025–2026

От составителя

Эта книга — первая часть цикла, который пишется в реальном времени: одна часть в год. Каждая выходит в свет двадцать пятого сентября и заканчивается в тот же день, в котором выходит. Поэтому ни одна сцена первой части не происходит позже того дня, когда вы её читаете. Если вам кажется, что автор знает о будущем больше, чем положено, — это не автор. Это модель.

Всякая вещь стоит столько, во сколько её оценили. Кроме оценщика.

— из внутреннего регламента конторы «Рюдин, Халлер и Ко», 1712 г.

АКТ I. ЧЕЛОВЕК С ХОРОШИМ ГЛАЗОМ

1. Смена

Каждый человек в Москве в каждый момент времени кем-то оценивается. Это не метафора и не жалоба, а описание рабочего процесса. Банк оценивает вас скорингом, поликлиника — диспансеризацией, подъезд — камерой над дверью, а девушка на кассе — взглядом, который длится ровно столько, сколько нужно, чтобы понять, что вы не опасны и не интересны. Большинство людей об этом не думают, как рыба не думает о воде. Роман Павлович Гушин думал, потому что его оценивали в явном виде, звёздочками, после каждого заказа.

У него было четыре целых восемьдесят семь сотых. Это была очень хорошая оценка. С ней можно было брать утренние слоты в центре и не бояться, что приложение переведёт тебя в Капотню, где заказы везут из шаурмы в шаурму. Роман знал про свою оценку всё: какой заказ её поднял, какой уронил, какая старушка в Кузьминках поставила ему тройку за то, что он был «какой-то грустный». Про себя он знал гораздо меньше. Это, как потом выяснится, и было главным условием его профпригодности.

Смена началась в семь сорок, во вторник, восемнадцатого марта две тысячи двадцать пятого года. Аккумулятор электровелосипеда показывал девяносто четыре процента и врал, как врёт всякий индикатор заряда: до полудня честно, после полудня — из жалости. Велосипед был китайский, четвёртый по счёту; в нём заменили всё, кроме рамы, и Роман иногда думал, что это тот же вопрос, который греки задавали про корабль Тесея, только греки не платили за контроллер двенадцать тысяч.

Некрасовка пахла очистными. Это был единственный честный запах в районе: он не при- творялся ни парком, ни «европейским кварталом», как было написано на заборе застройщика. Он просто был, и все к нему привыкли, как привыкают к государству.

Первым заказом были кофе и два сырника на Покровскую. Лифт не работал. Дверь открыл мужчина в пуховике поверх трусов, взял пакет, не глядя, и закрыл дверь раньше, чем Роман успел сказать «приятного аппетита». Звёздочку он поставил пять. Роман отметил это без благодарности. Пять звёзд от человека, который тебя не видел, — это не оценка, а шум. Но шум, если его много, тоже работает как оценка. На этом, если вдуматься, стоит вся современная цивилизация.

К десяти он был в центре. Центр платил больше, потому что центр вообще больше платит: за квадратный метр, за кофе, за право не видеть тех, кто этот кофе привёз. Роман знал маршрут до сантиметра: где яма у моста, где лежащий полицейский, невидимый на мокром асфальте, где на Волгоградке надо уходить в правый ряд. Это знание было его единственным капиталом. Оно не котирировалось ни на одной бирже, но без него ни одна биржа не получила бы обед.

Он знал и другое, чему никто не учил. Горячее отдельно от холодного. Стаканы только вертикально. И главное, открытое им на второй год: чем дороже ресторан, тем хуже упаковано. Дешёвые запаивают всё в два пакета, потому что боятся жалобы. Дорогие кладут в бумагу с ленточкой, потому что не боятся ничего, и бумага промокает на первом светофоре. Роман считал это законом природы, сформулированным раньше, чем он узнал, что так устроен вообще весь мир: у кого больше, тот меньше заботится о целостности упаковки.

В половине второго он стоял с Маратом под козырьком точки на Бутырском, и они пили кофе из автомата за шестьдесят рублей, который на вкус был как горячая вода с воспоминанием о кофе. Марат был из Оша, двадцать семь лет, жена и дочь в Оше, койка в Котельниках. У Марата было четыре девяносто одна. Он улыбался клиентам так, как улыбаются иконе — без надежды на ответ, но на всякий случай.

— Есть такие, — сказал Марат, глядя на дождь, — которые от Бога. Им всё само идёт. А есть мы.

— Бога нет, — сказал Роман. — Есть алгоритм распределения заказов.

— Так я про него и говорю, — ответил Марат.

Роман потом часто вспоминал этот разговор. Он оказался богословски точнее всего, что ему скажут за следующие полтора года люди в очень дорогих костюмах.

Заказ из японского на Плющихе шёл в «Оранжерею», Хамовники. Охранник посмотрел в планшет, потом на Романа, и во взгляде его было то профессиональное сочувствие, с каким один обслуживающий персонал смотрит на другой, находящийся ступенькой ниже. Велосипед оставить у забора. Служебный лифт, в торце, с некрашеным полом. Дверь открыла женщина с телефоном у уха.

— Подождите, — сказала она в трубку, потом ему, не меняя интонации: — Выложите.

— Простите?

— Выложите на тарелки. Я не буду из пластика.

Он выложил. Роллы на белом фарфоре выглядели так, словно их никто никогда не вёз на велосипеде по Садовому, и Роман подумал, что в этом и заключается услуга: не доставить еду, а стереть следы доставки. Женщина поставила ему пять звёзд. Её бы очень удивило, если бы ей сказали, что за этот фарфор ей когда-нибудь выставят счёт. Счёт выставят не ей, конечно. Но это уже детали.

В три позвонил Кирилл. Разговор шёл четыре минуты одиннадцать секунд. Кирилл говорил ровно, как говорят люди, у которых на заднем плане что-то гудит, и просил ничего не переводить. Оттуда, где он был, ничего не называлось по имени. Было «там», было «на направлении», была пауза в трубке, в которую помещалось больше, чем в любую сводку. Роман смотрел потом на цифру в журнале вызовов дольше, чем длился разговор. Четыре минуты одиннадцать секунд — это была оценка, которую жизнь выставила их братству. Её нельзя было обжаловать.

В двадцать сорок у него отменили заказ. Он уже выкупил его — девятьсот сорок рублей своих, наличными. Он написал в поддержку. Поддержка ответила через четыре минуты, что обращение принято. Он приложил чек. Поддержка ответила, что чек нечитаем. Он сфотографировал чек под фонарём, придерживая большим пальцем. Поддержка ответила шаблоном номер семь.

Хуже всего было то, что он знал ответ заранее и всё равно писал. Это и есть, если подумать, определение веры: делать то, результат чего тебе известен, в надежде, что на этот раз мир окажется устроен иначе. Мир на этот раз оказался устроен так же.

Вечером на счету было тысяча сто сорок рублей. Долг — четыреста тридцать тысяч перед двумя банками и одной конторой, которая называла себя «сервисом быстрых решений». Половина этого долга была Кирилла. Кирилл закрыл свою половину подписью на контракте, и Роман понимал, что это тоже была форма оплаты, просто очень дорогая.

Ночью ему пришло сообщение. Швейцарский номер, безупречный русский, просьба подтвердить дату рождения его прабабушки Прасковьи Фёдоровны Ланиной. Внизу мелким шрифтом стояло: «Настоящее сообщение не является публичной офертой».

Роман усмехнулся. Он видел много разводов. Этот был сделан со вкусом, и именно это его насторожило: мошенники так не стараются, стараются только те, кому от тебя действительно что-то нужно. Он заблокировал номер и поставил чайник, но не налил. Слот начинался в семь сорок.

Утром под окном стояла серая «Камри». Он решил, что к соседям приехали гости. Вечером она стояла там же, только чуть левее.

Так в жизнь Романа вошли две силы, которые будут сопровождать его до конца книги и, видимо, дольше. Одна предлагала ему всё и ничего не требовала. Другая ничего не предлагала и просто стояла под окном. Он ещё не знал, что это одна и та же сила, просто в разных отделах.

2. Заказное с уведомлением

Через шесть дней пришло извещение о заказном письме.

На почте его продержали сорок минут, потому что почта — это место, где государство сохранило свою первобытную форму: очередь, окошко, женщина, которая смотрит в экран, потом в паспорт, потом снова в экран, как жрица, сверяющая вас со списком живых. Роман стоял и думал, что именно так, наверное, выглядит загробный суд в представлении человека, выросшего в России. Никаких весов с перьями. Просто окошко и «ждите, у меня система висит».

Конверт был плотный, кремовый, и весил как вещь, которая стоит денег сама по себе, до всякого содержимого. Адрес напечатан, а не наклеен, с одной ошибкой в названии улицы — ошибкой того рода, какую делает очень образованный иностранец. Внутри было письмо от конторы «Рюдин, Халлер и Ко», Женева, основанной в 1712 году, с приглашением на встречу «по вопросу наследственного характера».

Вечером Роман показал письмо Марату.

— Не ходи, — сказал Марат. — У нас одного так. Тоже наследство. Сначала перевод, потом справка, потом налог. Двести тридцать отдал. Жена ушла.

— От него или от долгов?

— От наследства, — серьёзно сказал Марат.

Роман подумал, что в России существует всего два жанра обращения к человеку с деньгами: развод и налог. Они различаются только тем, кто их подписывает. Развод приходит с номера, который потом не отвечает. Налог приходит с номера, который отвечает всегда, но ничего не объясняет. Всю жизнь Роман получал в основном налоги — штрафы, пени, комиссии за обслуживание карты, которую он не просил обслуживать. Разводы до него почти не доходили, потому что у него нечего было брать. Мошенники, как и банки, работают с платёжеспособной аудиторией. То, что ему вдруг прислали такое красивое письмо, означало одно из двух: либо он внезапно стал платёжеспособен, либо кто-то ошибся базой.

Второе было вероятнее. Базы ошибаются постоянно. В двадцать третьем году ему пришло уведомление о том, что он является генеральным директором строительной компании в Тюмени, и он три месяца доказывал налоговой, что никогда не был в Тюмени и ничего не строил, кроме маршрутов. Налоговая в итоге согласилась, но попросила справку о том, что он не был в Тюмени. Такой справки в природе не существовало. Вопрос решился сам, когда компанию в Тюмени ликвидировали за неуплату налогов, и Роман вместе с ней перестал быть директором. Это был его первый опыт юридической смерти. Он тогда не придал ему значения.

— А если не развод? — спросил он.

Марат пожал плечами.

— Тогда хуже, — сказал он. — Развод — это деньги. А если не развод, это судьба. От судьбы не заблокируешься.

Марат иногда говорил вещи, которые звучали так, будто их переводили с какого-то очень древнего языка, где у каждого слова было три значения, и одно из них всегда было про смерть. Роман подумал, что Ош — старый город, старше Москвы. Может быть, там это знание просто лежит на улице, как пыль, и его вдыхают с детства.

Роман загуглил контору. Сайт был плохой, на трёх языках, с одной фотографией фасада и текстом на страницу. Ни одной услуги, ни одного лица. Такие сайты бывают только у двух категорий организаций: у тех, кто вот-вот закроется, и у тех, кто не нуждается в клиентах уже триста лет. Он нашёл контору в реестре. Она действительно была основана в 1712 году.

Триста лет, подумал Роман. Пётр ещё был жив, а эти люди уже сидели в этом доме и что-то писали. За это время в его собственной семье не сохранилось ни одной вещи старше

сорока лет, кроме материнского серванта, и сервант был из Мытищ, а не из прошлого. У него вдруг появилось странное ощущение, что с ним связалась не контора, а сама длительность — та самая, которой у его семьи никогда не было и которую, как выяснится, у неё просто отняли.

Он позвонил матери и спросил про прабабку как бы между прочим. Мать долго молчала, а потом сказала, что та работала в Загорске на фабрике и в анкетах писала «из служащих», хотя должна была писать что-то другое, и что за это её чуть не посадили.

— А что другое?

— Не знаю, — сказала мать. — И ты не знай.

Это была семейная философия Гуциных, сформулированная предельно ясно. Роман потом думал, что никакой буддийский монах не выразил бы доктрину неведения короче.

Ночью он долго не мог уснуть и думал о слове «наследство». Оно всегда казалось ему словом из чужой жизни, как «яхта» или «гольф». В его мире наследство выглядело так: мамин сервант, дедов орден в коробке из-под конфет, долг, который переходит от одного брата к другому вместе с контрактом. Наследовали здесь в основном обязательства. Активы, если и были, наследовались где-то в другом месте, где у людей есть нотариусы, а не участковые.

Он вспомнил, как в детстве бабушка по отцу говорила, что у них в роду «были люди». Больше она ничего не объясняла, и Роман думал, что это просто старческая фраза, вроде «раньше было лучше». Теперь он лежал и думал, что, может быть, она знала что-то. А может быть, просто хотела, чтобы у внуков было хоть что-то, кроме хрущёвки и серванта. Хотя бы миф.

Мифы, подумал Роман, — это наследство бедных. Богатые оставляют детям акции. Бедные — рассказы о том, что когда-то тоже были богатыми. И то и другое, если вдуматься, одинаково нельзя потрогать руками. Разница только в том, что акции можно продать.

Под утро он заснул и увидел во сне женщину в старом платье, которая стояла у окна почты и протягивала ему конверт. Он взял конверт, а она сказала: «Распишитесь». Он расписался, и подпись получилась чужая, с ятями.

Нотариус на Пречистенке оказался в полуподвале, с решётками, растением в углу и календарём за прошлый год. Женщина лет шестидесяти проверила паспорт под лампой дольше, чем проверяют в банке, и выдала опечатанный конверт под роспись. Внутри была дата встречи: второе апреля, Гранатный переулок.

Он отработал шесть смен по десять часов, потому что двадцать второго надо было внести одиннадцать восьмьсот, и потому что не работать было страшнее. За эти шесть дней он никому ничего не сказал. Самая большая сумма, которую он сумел вообразить той ночью, была три миллиона рублей. Он проверил это потом специально. Три миллиона было пределом его воображения, его личным горизонтом событий, за которым свет денег уже не мог до него дойти.

В одну из этих ночей он сел на кухне и честно попытался составить список того, что купил бы на три миллиона. Закрывать долги — четыреста тридцать. Матери — на зубы, она третий год откладывала, потому что «и так жуют». Кириллу — ничего, Кирилл не возьмёт, но всё равно отложить, пусть лежит. Велосипед нормальный, немецкий, с запасной батареей. Съездить на море — не в Турцию, а куда-нибудь, где море холодное и никто не кричит. Снять квартиру не на первом этаже.

Список закончился на миллионе ста. Роман долго смотрел на оставшиеся миллион девятьсот и не мог придумать, на что их потратить. Воображение, как старый аккумулятор, село ровно на этой отметке. Он подумал, что, наверное, это и есть его настоящая цена — миллион сто. Всё, что сверх, для него просто не существует, как не существует для муравья небоскрёб. Муравей видит только ту часть небоскрёба, по которой ползёт.

Потом он подумал, что это хорошая мысль и её надо запомнить, а потом забыл её, потому что в семь сорок начинался слот.

В ночь на второе он постирал в раковине единственную рубашку и повесил её сушиться на спинку стула у батареи.

3. Гранатный переулок

Особняк был без вывески, с двумя липами и чугунной оградой, и Роман нашёл его не с первого раза, потому что искал табличку. У людей, которым не нужны клиенты, табличек нет. Он пришёл за двадцать минут и по привычке осмотрел объект как точку доставки: служебный вход с торца, четыре камеры на карнизе, мусорные баки за деревянным экраном. Он не знал, что это последний раз, когда он смотрит на здание снаружи как человек, которому туда надо что-то занести. Дальше здания будут смотреть на него.

Переговорная была без окон. Катрин Рюдин-Шоле, партнёр, пятьдесят четыре года, говорила по-русски с лёгким акцентом, который делал её фразы окончательнее, чем они были бы у носителя. Она налила ему воды сама, из кувшина, и это почему-то оказалось самым тяжёлым моментом первых десяти минут. Ему никогда не наливали воду люди, которые стоят больше, чем он.

— Я буду говорить по порядку, — сказала она. — Сначала факты, потом документы, потом сумма, потом условия.

Факты были такие. Осип Григорьевич Опалев, винный откупщик, подрядчик земляных работ на Ладожском канале, дом в Петербурге с 1727 года. Шесть поколений. К 1911 году средний банкирский дом. Последний Опалев за семь лет до того, как всё кончилось, перевёл капитал в Женеву под безотзывный траст. В девятнадцатом году все Опалевы в России перестали существовать — двое расстреляны документально, один умер в тюрьме в Ярославле, две женщины и ребёнок — «неизвестно». Но одна дочь, четвёртая, никому не интересная, в двадцатом вышла замуж и стала Ланиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.